

С СЕМИНАРА МОЛОДЫХ

На очередном семинаре молодых литераторов, который проходил в начале октября прошлого года, редколлегии альманаха были рекомендованы произведения наиболее одаренных авторов.

Сегодня мы публикуем рассказы пятигорчан — С. Подгорного и В. Шилова, светлоградца В. Савельева.

В разделе «Для наших маленьких друзей» прочитаете сказки А. Осипова.

Поэзия представлена стихами О. Игнатьева, О. Голдиной, подборками стихотворений Г. Пряхина и недавней выпускницы Литературного института им. А. М. Горького Л. Гончаровой.

В середине июня в нашем плотницком цехе появился щенок, звали его Кукла.

Вообще-то шофер Григорьев принес его для всей автоколонны. Но Кукла, пожив немного у электриков, немного — в цехе капитального ремонта, потом у токарей, вулканизаторщика и мотористов, сама выбрала наш цех.

— Умная тварь, — лаская Куклу, высказался по поводу ее выбора Шапоренко. — Там же везде соляркой, бензином воняет. И на ветоши не полежишь — вся в солидоле. Правда, Кукла?

Кукла, конечно, ничего не отвечала, смотрела лишь признательно большими коричневыми глазами и виляла хвостиком.

В нашем просторном цехе для Куклы и в самом деле была благодать. Здесь пахло сосной, березой, елью и сухим дубом, стояло много станков и четыре верстака, лежала большая куча чистой ветоши, которой мы перед отправкой машин на уборку хлеба должны были оборачивать плинтусы,

заделывая в кузовах щели. Было где и поваляться, и укромных мест хватало, куда можно прятать кости или куски хлеба. Если же у Куклы не было кости, а хотелось поточить молодые зубы — она всегда находила подходящую щепку и грызла ее.

В плотницком цехе работало всего трое: бригадир Шапоренко, пенсионер Иван Иванович — дядь Ваня, и я. В отличие от нас, дядь Ваня едой Куклу не баловал, но относился к ней хорошо и порой во время перекуров даже чесал ей за ухом.

Ножки у Куклы толстые, коротенькие, как у хорошей таксы, туловище длинное, голова большая, отдаленно похожая на голову овчарки. Жесткая шерстка не длинная и не короткая, на спине была серо-желтого цвета, брюшко — белое и ножки тоже в белых чулочках. А еще у Куклы меж больших, стоящих торчком ушей и выпуклых глаз проходила к самому носу узкая ложбинка. Когда Куклу очень злили, то шерсть на загривке и по этой ложбинке вставала дыбом, а нос морщился, словно она собиралась чихнуть. Но злили Куклу

редко.

Вряд ли наша Кукла была красивой по признанным эталонам собачьей красоты. Но она была милой и симпатичной до трогательности. Часто ее взгляд казался до того осмысленным, умным, что хотелось говорить с ней, как с ребенком, и верилось, что она все понимает, только не может об этом сказать.

Больше всего Кукла любила играть.

Кроме нее в автоколонне обитала еще одна собака — рослая, длинноногая, томно-флегматичная, и черная как ночь Жучка, помогавшая сторожам охранять автоколонновское имущество. К Кукле она относилась снисходительно и терпимо, как много повидавший человек к подростку. Она, скучая, позволяла Кукле лизнуть себя в морду, обнюхивать и даже бегать за собой, но и только. Поэтому партнеров по играм Кукле приходилось искать среди нас — шоферов и ремонтников.

Играла Кукла со всеми, у кого было хоть немного свободного времени и желание с ней повозиться. Да и трудно было удержаться, когда она, такая доверчивая и забавная, вдруг подбегала и начинала ласково трепать за штанину или тянуть шнурки туфель.

Чаще всех с Куклой играли Андрей и Колька — ученики автослесарей, автослесарь Иван — все из цеха капитального ремонта — и я. Мы-то трое — ладно, Иван же меня вначале удивлял: ведь тридцать семь лет человеку, двое детей, которые уже в школу ходят, а с Куклой возится не меньше нашего.

Но удивлялся я недолго: Иван очень любил животных. Не только собак — всех. Одно время у него был дрессированный кот Гулливер. Он мог подавать лапку, прыгать сквозь обруч, ходить на задних лапках, делать стойку на передних и еще много забавного.

Шапоренко мне после рассказал, что прошлым летом, когда в городе гастролировал цирк, к Ивану на дом два раза приходил один известный в стране дрессировщик и предлагал за кота большие деньги. Иван ему отказал,

сказал, что обучал Гулливера не на продажу. А зимой его сосед, который держал голубей, застрелил кота из двухстволки. Не потому, что Гулливер покушался на голубей: такого за ним не водилось, а чтоб досадить. Есть ведь такие люди...

Позднее, уже к осени, лаской и терпением Иван и Куклу выучил нескольким номерам. Он был прирожденным дрессировщиком.

Если Кукле хотелось есть, она становилась на задние лапки, смотрела в глаза и три раза тьякала. Могла она и танцевать в паре с Иваном: Иван бил в ладоши и подпрыгивал, и Кукла становилась на задние лапки и тоже в такт подпрыгивала.

Зрелище это выглядело преуморительно. Стоило лишь немного посмотреть на этот танец — и на целый день было обеспечено хорошее настроение.

Очень мало было в автоколонне людей, которые относились к Кукле равнодушно, а тем более недоброжелательно. Она была всеобщей любимицей. Многие несли ей из столовой кости или остатки прихваченных из дому обедов. А странные бы вроде хлопоты для взрослых солидных людей: взамен ведь они получали лишь признательность, которая выражалась в ласковых взглядах да в повиливый хвостом.

Зайдет, бывало, к нам в цех шофер, мрачноватый и издерганный от уймы забот, навалившихся с ремонтом машины, а к нему сразу Кукла — радостная, доверчивая — и оттаял человек. Улыбнется, скажет что-то вроде: «Ну, ну. Кукла! Не балуй. Ишь, шельма!» — и нет у него на лице прежней мрачности.

Иногда, правда, мы заигрывались с Куклой, забывая о работе. Тогда нас ругали. Ивану доставалось не меньше, чем нам троим. Особенно от Шапоренко, который был председателем месткома.

— Что, Иван, известности захотел? — вроде бы на полном серьезе спрашивал Шапоренко.

— Чего это вдруг известности?

— А того, что люди работают, а ты Куклу с пацанами по двору гоняешь. Смотри у меня. Вот скажу Зайцеву — быстро в стенгазете изобразит. Да еще жене сообщит, чем ты тут на работе занимаешься.

Шапоренко, конечно, шутил, но Иван, дважды уже почувствовавший, что значит внимание автоколонновского художника Зайцева, не хотел понимать таких шуток и начинал всерьез оправдываться. Чем сильнее он кипятился, тем смешнее их разговор выглядел со стороны.

...А после пяти часов мы закрывали цех и уходили домой. Кукла провожала нас к проходной и до утра оставалась там в компании Жучки.

Я постепенно до того привязался к Кукле, что от мысли, что могу прийти на работу, а ее вдруг не будет, мне становилось как-то неуютно. Да и многие привязались к ней не меньше моего.

Осенью меня призвали в армию. Я должен был уйти из автоколонны. Получив расчет, я купил Кукле любимой колбасы и поиграл с ней возле штабеля досок перед цехом. Кукла, наверное, почувствовала, что долго, а может, и никогда больше меня не увидит. Она проводила до самой проходной, хотя было всего два часа дня, и еще постояла там, пока я не перешел улицу и не скрылся за кустами.

С тех пор я ее больше не видел и ничего не знаю о ее судьбе. Может, по-прежнему живет в автоколонне на радость шоферам и ремонтникам, а может, ее постигла участь некоторых автоколонновских собак: нечаянно попала под машину.